

# ***ЕАС: ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ИНТЕГРАЦИИ***<sup>1</sup>

*Гагик Арутюнян*<sup>\*</sup>

Решение глав Белоруссии, Казахстана и России о создании Евразийского союза (*ЕАС*) и возможность присоединения Армении к этому союзу вызвали в армянском обществе оживленные обсуждения. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Известно, что Россия является стратегическим союзником Армении, а членство в ОДКБ (вкуче с двусторонними соглашениями с РД) является основой национальной безопасности РА. Наряду с этим, в течение уже достаточно долгого времени Армения в различных форматах сотрудничает с Евросоюзом: в настоящее время идут переговоры по ассоциированному соглашению с *ЕС*, а партнерство с НАТО протекает в рамках Плана действий по индивидуальному партнерству. Поэтому перспектива присоединения к *ЕАС* была воспринята частью общества как альтернатива, которая снимает с повестки дня взаимоотношения с *ЕС*. Однако такая упрощенная трактовка быстро потеряла свою актуальность: политическое руководство республики и большая часть аналитического сообщества однозначно высказались в том ключе, что возможная евразийская интеграция никак не препятствует реа-

---

<sup>1</sup> На основе доклада на конференции «Евразийская интеграция: перспективы, задачи, направления обсуждений», 26 января 2013г., Ереван.

<sup>\*</sup> Директор Научно-образовательного фонда «Нораванк».

лизации европейских проектов в правовой, образовательной и других сферах. Более того, некоторые аналитики пошли в своих суждениях дальше и выдвинули тезис о возможности сближения *ЕАС* и *ЕС* и интеграции Армении в «Большую Европу».

Так или иначе, дискуссии на эти темы способствовали актуализации вопросов геополитической и цивилизационной ориентации и приоритетов в политической и общественной повестке дня. В данном контексте мы представим некоторые соображения относительно как проблем информационного характера, так и возможных интеграционных сценариев.

### ***Объективная оценка истории – фундамент интеграции***

Известно, что результативность политического процесса во многом определяется его информационным сопровождением, которое эксперты *RAND* представляют даже не как вспомогательную операцию, а выделяют в виде самостоятельного жанра политики – *ноополитики*. Между тем в этом аспекте возможное формирование *ЕАС* находится далеко не в лучшем состоянии хотя бы по той причине, что граждане будущего союза зачастую больше информированы о событиях в Латинской Америке, нежели о том, что же происходит в будущих «братских республиках». К сожалению, сегодня также невозможно обсуждать макропроблемы типа контента или количественных показателей информационной составляющей интеграционных процессов по той простой причине, что такие исследования и анализы просто отсутствуют (справедливости ради отметим, что недавно создан портал «Евразийская информационная лига»<sup>1</sup>, призванный несколько выправить нынешнее не очень благоприятное положение в этой сфере). По этим причинам мы остановимся на, казалось бы, мелочах, так как именно в них и часто «кроется дьявол».

---

<sup>1</sup> <http://eurasianinfoleague.com>.

Обратим внимание на словосочетание «постсоветское пространство». Здесь префикс «пост» и эпитет «советское» дают представление о политико-общественном прошлом этих стран, но не несут смысловую нагрузку относительно их современного состояния. Слово же «пространство» ассоциируется с некоей обезличенной и обезлюженной территорией. Поэтому оно воспринимается негативно и коррелируется с имеющимися в данном «пространстве» специфическими – как правило, нерешенными – проблемами. Нельзя полностью исключить версию, что «запуск» и «тиражирование» термина «постсоветское пространство» в медиаполе является своего рода *мемом*, который в социальной психологии интерпретируется как смысловая направляющая установка, передаваемая из одного сознания в другое и формирующая определенное – в данном случае негативное – восприятие.

Обратимся и к другим, более важным примерам, основным из которых в данном контексте является СССР, чьим демонизированным образом пугают даже на уровне госсекретаря ведущей державы. Сразу подчеркнем, что речь никак не идет об идеализации СССР: советская система была создана в худших традициях революционного насилия, террор против собственного народа по разным мотивам и без оных продлился около 36 лет (1917-1953гг.), до смерти Сталина. Число жертв политических репрессий согласно данными «Комиссии по оправданию жертв политических репрессий» при президенте РФ<sup>1</sup>, составляет около 32 млн. человек, из коих 13 млн. – в результате гражданской войны и «советизации» (1918-1923), когда в стране бушевал тотальный «Красный террор». Определенную часть огромного числа потерь в Отечественной войне также можно приписать к «особенностям» советского режима: известно, что при проведении масштабных военных операций катастрофические людские потери принимались как должное.

<sup>1</sup> <http://www.lenta.ru/russia/2001/10/29/yakovlev/>. Заметим, что из заключения этой комиссии следует, что число подсчитанных жертв не полное.

Но вместе с тем СССР победил фашизм и превратился в страну с высокоразвитой наукой, технологиями и культурой, на основе которой был сформирована новая, уже советская интеллигенция – носительница глубоких знаний и духовных ценностей. Воспользовавшись хрущевской «оттепелью» и частичными реформами, эта творческая элита в определенной мере взяла на себя миссию духовного и идейного лидера советского народа. Очевидно, что история любой страны – это не только история политического режима, а (скорее всего даже в первую очередь) – это история общества и народа этой страны. В этом аспекте весьма глубокое и метафизическое определение СССР предложил один из крупнейших философов современности Александр Панарин в своей книге «Стратегическая нестабильность XXI века» [1]. Следующую выдержку из этой книги имеет смысл привести целиком: «Наша гипотеза состоит в том, что новейшие события в России имеют всемирно-исторические корни: они связаны с попыткой глобального реванша индивидуалистического буржуа над всеми теми социально-экономическими, политическими и идеологическими формациями, которые стали ответом наиболее развитой, в интеллектуальном и нравственном отношениях, части человечества на нигилистический вызов буржуазного отщепенства. Однако реальные исторические типы не строятся на основе примитивного формационного детерминизма – как порождение одномерной классовой, идеологической и иной “сущности”. Советского человека от подобной одномерности спасало его классическое культурное наследие, в первую очередь – литературно-художественное. Сплошная грамотность – не загадка, ее можно внедрить, затратив соответствующие силы и средства. Загадка состоит в том, как она была использована “советским человеком” на глубоком личностном уровне. Научившиеся читать могут поглощать бесчисленные комиксы, детективы и “супердетективы”, “маленькие тексты с большими кар-

тинками” (особенно пикантного содержания). Все это мы видим на примере американской массовой культуры, сегодня заполонившей мир. Труднее объяснить тот факт, что юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского – уровень, на Западе относимый к элитарному».

Если рассматривать процессы в этом ключе, то коллапс СССР был не только геополитической, но и – быть может, даже в первую очередь – цивилизационно-гуманитарной катастрофой, которая высвободила колоссальную деструктивную энергию. Последствия этой катастрофы не преодолены до сих пор и ее продолжением в терминах информационной безопасности является то, что очерняется собственная история и из памяти народов вычеркивается целая эпоха. Любопытно, что один из видных представителей диссидентского движения, бывший узник мордовских лагерей Борис Кагарлицкий признал, что подобное отношение к собственной истории является глумлением в первую очередь над памятью жертв тоталитарного режима [2].

Сегодня отчетливо видны тенденции манипулирования и стирания национальной памяти, свидетельствующие о применении современных технологий из области информационно-онтологических войн и *nation building*. В результате, в СМИ можно встретить относящиеся к советскому периоду преимущественно «трагические» или «иронические» материалы, а также призывы вырваться из «когтей прошлого». Силь, дух и «черно-белые» подходы этих, явно «экспортных», материалов в некоторых случаях удивительным образом напоминают пресловутый большевистский «агитпроп».

Между тем существующий подход к оценке СССР и искажение объективной истории являются не только нравственной проблемой, но и грубым попранием всех правил информационной безопасности, согласно которым необходимо соблюдать неразрывность при изложении

истории и сохранять национальную память. Характерно, что примерно таким же образом поступили большевики (как российские, так и армянские) с историей царской России и Первой Республики Армения. Следует признать, что развал системы, как это произошло в СССР, является последним преступлением коммунистической номенклатуры, и в составе этого преступления не последнее место занимает искаженная интерпретация собственного прошлого [3]. На наш взгляд, лишенные исторического фундамента народы СССР были в какой-то мере запрограммированы на «революционные преобразования» с заведомо печальным итогом: нечто подобное мы сегодня наблюдаем в арабском мире, где в результате революционных движений в некоторых странах развалилась государственно-экономическая система и потерян реальный суверенитет. Пожалуй, можно слегка перефразировать Карла Шмитта и привести его мысль о том, что «философские парадигмы марксистского и либерального *идеологического*/экономического демонизма едины» [4].

Заметим, что законы информационной безопасности блестяще соблюдают ангlosаксы: их концепция исторической традиции не приемлет демонизации собственной истории, какой бы трагической она ни была, и это тот случай, когда нам следует поучиться у них. К примеру, Кромвель и «убиенный им» Карл I Стюарт прекрасно уживаются и культивируются как на страницах исторических трудов, так и в художественной литературе, кинематографии и т.п. Естественно, что такая «безупречная» британская история в такой интерпретации и массовом тиражировании стала элементом сознания не только ангlosаксонской, но и мировой общественности.

Но демонстрация манипуляций, согласно булгаковскому персонажу Бенгальскому, требует «их разоблачения». Впрочем, как в «Варьете», так и в нашем случае простых рецептов нет, и самое худшее,

что можно сделать – это немедленно приступить к восхвалению СССР (что было бы грубой ошибкой). Тут крайне важно не впадать в крайности и не увлекаться, например, виртуальной реанимацией культов «вождей революций и народов»: реабилитация тоталитаризма – вещь крайне опасная и бумерангом может ударить по обществу. Однако необходимо разработать логику разумной информационной политики, постепенно корректировать лексику и вернуть в определенную информационную нишу нашу историю. Очевидно, что трансформация так называемого «постсоветского пространства» в геополитическую, экономическую и цивилизационную инфраструктуру даже теоретически невозможна без фундамента, каковым является как наша общая история, естественно, включающая историю тех стран и народов, которые потенциально могут войти в ЕАС. Задача эта непростая: надо мобилизовать соответствующих экспертов, разработать концепцию и механизмы ее реализации, а потом надо все это применять на практике, что немислимо без организационных и материальных ресурсов.

Вместе с тем известно, что «матрица интегрированного пространства» является не только элементом исторической памяти и информационной политики, но и как бы материализованным объективным фактором. В этом контексте реинтеграционные устремления выглядят вполне закономерными. К тому же, они зиждутся не только на историческом опыте, но и отражают тренды современного миропорядка<sup>1</sup>. Исходя из этих предпосылок, рассмотрим некоторые возможные глобальные и региональные интеграционные сценарии.

---

<sup>1</sup> См., например, Global Governance 2025: At a Critical Juncture. National Intelligence Council, European Union Institute for Security Studies, September 2010, [http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Global\\_\\_Governance\\_2025.pdf](http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Global__Governance_2025.pdf).

### ***Возможность макроинтеграции в формате «Большой Европы»***

Известно, что формирование *ЕАС* в своем развитии не исключает интеграцию и с *ЕС*. Об этом заявил и президент РФ Путин в своей программной статье в «Известиях», где он пишет, что: «Евразийский союз будет строиться как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы и демократии...».

Мы попытаемся представить возможности подобного макроинтеграционного сценария. Но при этом, опять таки исходя из канонов информационной безопасности, не будем рассматривать негативные сценарии типа того, что *ЕС* будет трансформирован в «Евростан» или «Евробу» с «мечетью Парижской Богородицы», а Россия «сожмется» до размеров Московского княжества. Целесообразнее обсудить более оптимистические варианты: ведь подобные мрачные прогнозы превращаются как бы в некие инструкции, которые формируют сознание общности и тем самым способствуют реализации негативного будущего уже в настоящем. А пока предпримем краткий исторический экскурс по Евразии.

В Западной Европе интеграционные процессы (по современной терминологии) начались со времен *Римской империи*, который сформировал имперскую матрицу Старого Света и на которой король Оттон I Великий в 962 году основал Священную Римскую Империю (так называемый Первый рейх). Дело это – с учетом создания последующих рейхов и *ЕС* – продолжается по сей день.

Позже была создана и Российская империя, которая сформировала восточно-евразийскую имперскую матрицу, которая была более гомогенной и наиболее масштабным проявлением которой был послевоенный СССР вместе с соцстранами Восточной Европы. До того также были попытки интеграции Евразии: после «наполеоновских войн» на Венском конгрессе (1814-1815гг.) (с участием практически всех евро-



пейских стран) тремя монархами – императором Александром I (который собственно был инициатором созыва подобного конгресса), императором Францем I Австрийским, королем Фридрихом Вильгельмом III Прусским было подписано соглашения под названием Священный союз. Этот конгресс, по терминологии Киссинджера, фактически выработал систему общеевропейской коллективной безопасности (т.н. «Европейский концерт») которая весьма эффективно функционировала в течение полувека – до Крымской войны [5]. Венский конгресс отдаленно напоминает Ялтинскую и Потсдамскую конференции после Второй мировой, когда был реализован усеченный проект «Большой Европы» в формате от Берлина до Владивостока.

В контексте современных интеграционных процессов в Евразии необходимо упомянуть имя бельгийского политолога и политика, представителя идеологии так называемого «Третьего пути» Жан-Франсуа Тириара<sup>1</sup>, который после Второй мировой выдвинул идею «Большой Европы» от Дублина до Владивостока: любопытно, что потом эту идею подхватил и использовал в своем политическом лексиконе Шарль де Голль, известный своими собственными представлениями об устройстве континентальной Европы.

Нынешний проект под названием Евросоюз является очередным этапом эволюции европейской интеграционной/имперской матрицы. Он по внутреннему содержанию чем-то напоминает Австро-Венгрию или даже СССР (так считает, например, знаменитый Зигмунд Бауман, который утверждает, что «прошлое России – это будущее ЕС»<sup>2</sup>). Однако тут следует учесть следующее: установленное после войны внешнее – Североатлантическое – управление ЕС затянулось, и перспектива последнего превратиться в самостоятельную геополитическую единицу

<sup>1</sup> См., например, <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=396>.

<sup>2</sup> <http://www.rodon.org/polite-110519100638>.

весьма призрачна. Только на нынешнем этапе формирования многополярного мира *ЕС* приобретает – в основном стараниями Германии<sup>1</sup> и в известной мере Франции (несмотря на существующие противоречия между этими странами) – внешнеполитическую автономию. Заметим также, что из приведенных выше примеров следует, что определяющим условием для сближения Западной и Восточной частей Евразии является схожесть политико-экономических систем и ситуация сегодня в этом аспекте вполне благоприятная.

В дополнение к этому часть европейских лидеров, в условиях ослабления североатлантического влияния, стремится к более равноправным военно-политическим союзам и в этом контексте развитие отношений с Россией, а в перспективе – с *EAC*, выглядит заманчивым. Для *ЕС* в экономическом аспекте ассоциация с *EAC*, кроме доступа на широкий рынок, интересна и в плане оптимизации коммуникаций с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Отметим также, что в условиях усиления Китая не исключено, что и США и Великобритания традиционно не будут особенно сопротивляться сближению *ЕС* и *EAC*, т.к. в отличие от эпохи мировых войн, на арене геополитических тяжеловесов появился Китай и альянс/ассоциация *ЕС-EAC* в некоторых сценариях может оказаться той буферной военно-политической зоной, которое будет в состоянии демпфировать возможную китайскую экспансию.

Однако в предполагаемом макроинтеграционном сценарии есть так называемая критическая инфраструктура, каковой является Украина, которая в этом контексте несет огромную геополитическую и геоэкономическую нагрузку. При оптимальной политической организации эта страна способна превратиться в связующее звено между *ЕС* и *EAC*, получая при этом огромные дивиденды, в обратном же случае

---

<sup>1</sup> Не случайно, что президент Путин впервые озвучил проект «Большой Европы» в 2010г. во время встречи с канцлером Меркель.

без Украины шансы на формирование *ЕАС* и сближение *ЕАС* и *ЕС* достаточно проблематичны.

Но вернемся к проекту *ЕАС* применительно к региону Южного Кавказа и Армении.

### ***ЕАС, регион и Армения***

Известно, что в мире параллельно с интеграцией происходят и процессы фрагментации, что особенно наглядно видно на Большом Ближнем Востоке. «Арабская весна» в значительной степени объединила Исламский мир, но вместе с тем отделила его от Западного, европейского мира, т.е. процессы, идущие в ББВ, имеют двойной контент, так как параллельно происходит как интеграция, так и фрагментация глобального мира. Наряду с этим падение светских режимов и политико-религиозная радикализация превращают Ближний Восток в нестабильный и, следовательно, непредсказуемый в военно-политическом плане регион.

Между тем Армения сопредельна с функционирующим в режиме турбулентности Исламским миром, что обостряет проблемы национальной безопасности в очень широком диапазоне – от проблем безопасности армянских общин Ближнего Востока до возникновения масштабной региональной войны с применением оружия массового поражения [6]. Очевидно, что такая ситуация актуализирует вопросы военно-политической ориентацией и диктует Армении принимать активное участие в евразийском интеграционном процессе.

Задача «интеграции» актуальна и в региональной плоскости. Ведь наряду с Арменией на кромке геополитического и цивилизационного «разлома» оказалась и Грузия, которая также является «пограничной страной». Однако необходимо констатировать, что эта страна в экономическом плане находится в зоне интересов Турции и Азербайджана. В частности, в 2010г. были декларированы намерения о созда-

нии азербайджано-грузинской конфедерации. За последние 5 лет Азербайджан инвестировал в экономику Грузии свыше \$800 млн., а в 2011г. товарооборот между Азербайджаном и Грузией вырос на 36%, составив \$1,037 млрд.<sup>1</sup> Турция же является для Грузии торговым партнером номер один, и товарооборот между этими странами достиг \$1,5 млрд.<sup>2</sup> Строительство же железной дороги Баку – Карс – Эрзерум, а также поставки азербайджанского газа указывают на турецко-азербайджанскую доминацию в экономике Грузии. К указанным обстоятельствам накладывается рост политико-экономического влияния азербайджанского меньшинства в Грузии. В частности, в населенном азербайджанцами районе Квемо-Картли (которую сами местные жители называют «родиной героев турков») на фоне сепаратистских настроений, наблюдается активное внедрение азербайджано-турецких учебных программ за счет зарубежных инвестиций [7]. Все эти факторы говорят о том, что политико-экономическое влияние соседних стран на Грузию возрастает и в сложившейся ситуации Грузии в лучшем случае уготован статус «младшего партнера». Любопытно, что так называемая «роевропейская – западная» политика президента Саакашвили и его своеобразная интерпретация национальных интересов Грузии в реальном измерении обернулась зависимостью от «Востока».

Очевидно, что Грузия в контексте региональной интеграции в *ЕАС* является примерно такой же критической инфраструктурой, как Украина в случае ассоциации *ЕАС с ЕС*. С учетом происходящих в этой стране обнадеживающих перемен одним из возможных сценариев интеграции с *ЕАС* – с точки зрения известных экономических, таможенных проблем – на первом этапе представляется создание, например, общего рынка между Арменией и Грузией. Характерно, что нынешнее руководство Грузии стремится решить мирным путем также

<sup>1</sup> <http://www.ru.journal-neo.com/node/117218>.

<sup>2</sup> <http://news.ge/ru/news/story/16788-gruzija-vybor-turcii-nomer-odin>.

известные проблемы с Южной Осетией и Абхазией. Это может сделать возможным формирование цивилизационной оси, простирающейся от Краснодара, Сухума, Цхинвала до Степанакерта.

*Январь, 2013г.*

### Источники и литература

1. *Панарин А.*, Стратегическая нестабильность XXI века. «Москва», ## 4-12, (глава 2, Почему рухнул Советский Союз? Кем же был «советский человек?»), 2002.
2. *Кагарлицкий Б.*, Политология революции. – М.: «АЛГОРИТМ», 2007.
3. *Арутюнян Г.*, Распад системы и формирование будущего. – Ер.: НОФ «Нораванк», 2011.
4. *Шмитт К.*, Политическая теология. – М.: «КАНОН-ПРЕСС», 2000.
5. *Киссинджер Г.*, Дипломатия. – М.: «ЛАДОМИР», 1997.
6. *Арутюнян Г.*, Вызовы Армении в глобализируемом мире, «21-й Век», # 1(26), с. 4, 2013.
7. *Эвоян Л.*, Вовлечение Грузии в турецко-азербайджанский военно-политический союз, «21-й Век», # 1(47), 2013 (*на армянском*).

## **EAU: MAIN ISSUES OF INFORMATION SECURITY AND POSSIBLE SCENARIOS OF INTEGRATION**

*Gagik Harutyunyan*

### Resume

The article covers the project of possible Eurasian integration and information and integration problems accompanying this process. In the aspect of optimization of the information support of the project the necessity of preserving “continuity” of the national memory as a precondition and fundament of the integration processes is pointed out. The possibility of rapprochement of the EU and EAU within the framework of “Big Europe” project is considered. The incentives of Armenia’s possible involvement in the project are presented. The situation in Georgia, which is a critical infrastructure in the context of regional integration projects, is analyzed.